

Кулешов Лев

ЗАБЫТЫЙ ДРУГ?

ВВОСПОМИНАНИЯХ
Александра Путко «О ка-
валерах красной пугови-
цы», опубликованных в
ноябрьской книжке жур-
нала «Дружба народов», упоминается о
забавном документе, сохранившемся в
авторском архиве, — «договоре» с режис-
сером Львом Владимировичем Кулешо-
вым: «По условиям договора я должен
жить так, как будет учить меня Л. В. Ку-
лешов, а он, в свою очередь, обязуется
сделать из меня человека».

Документ этот «высокие договарива-
ющиеся стороны» составили в декабре
сорок первого, в вагоне, когда кино-
группа, собранная для съемок фильма
«Клятва Тимура» (там, в числе юных
участников картины, был и Путко), пере-
биралась из Уфы в Сталинабад.

«Воспоминания несостоявшегося ак-
тера», как окрестил их сам автор в под-
заголовке, при всей своей скромности
и неприязнительности, любопытны во
многих отношениях.

Тут воскресают увиденные востор-
женными глазами подростка не только
большие, хотя и не всегда оцененные
при жизни, а ныне отходящие в даль
времени, актеры вроде Дмитрия Орлова
и Сергея Мартинсона, но и люди, чьи
фамилии уже часто нам ничего не гово-
рят, но которые были, по справедливо-
му определению автора, «живой исто-
рией кино». — Оболенский, Галаджев,
Комаров, Хохлов. Поволоцкая.

«Какие же это были энтузиасты! Ка-
кие бескорыстные, преданные искус-
ству люди! — пишет об этих кулешов-
ских сотрудниках Путко и вспоминает
их рассказы о молодости, творческих
поисках, веселых выдумках. — Для по-
ощрения особо отличившихся на съем-
ках придумали шуточные наградные
знаки — обыкновенные небольшие
цветные пуговицы, которые пришива-
лись к лацкану пиджака. Совершил тру-
довой подвиг — получаешь синюю пуго-
вицу. А за подвиг, связанный с риском
для жизни, — красную».

Понятно, что подростку, попавшему
на студию «Союздетфильм» — в мир
случайности, находившемуся в по-
верженной эйфории, многое там виде-
лось в совершенно розовом свете, да
еще по сравнению с обычным бытом,
где киношные «гонорары» оказались не-
лишним подспорьем для больной мате-
ри, «машинистки, измученной постоян-
ной сверхурочной работой». Только де-
сятилетия спустя открылись ему те
трудности и горести, которые испыты-
вал тогда Лев Кулешов, открылось, по-
чему он согласился реализовать этот
и конъюнктурный сценарий, по которо-
му и был снят фильм с участием буду-
щего мемуариста.

После «Великого утешителя», оценен-
ного Эйзенштейном, Юткевичем, Пудов-
киным, Барнетом как большая удача, а
официозной критикой как одна из ряда
«крупных художественных и политичес-
ких ошибок» режиссера, Кулешов за
семь лет не снял ни одной картины.
В этих условиях отказаться от сценария,
вносившего свою лепту в создание ста-
линского культа, он не смог. Возможно
ли было дольше оставаться в простое?
Хотелось ли и в этом случае «проявить
себя»? Просто боязно было отказаться?
Кто знает...

Путко вспоминает, что играть вождя
первоначально пригласили Ираклия Ан-
дроникова, однако «прототип» эту кан-
дидатуру отвел: «...Почему не Геловани?»
Ну, как тут не пойти навстречу!

Голоса...

Дальше — пуще: «Кулешов объяснил
Геловани, что на этот раз ему предстоит
впервые изображать Сталина не моло-
дого, а современного, то есть шестиде-
сятилетнего. Геловани кивал головой и
вежливо улыбался. Он-то знал, как сле-
дует играть Сталина!» — догадывался
о смысле происходившего Путко уже
взрослым.

Думаю, что о финале читатели и са-
ми уже догадались, но все же для пол-
ноты картины приведу конец рассказа:
«И вот Геловани — красивый, величе-
ственный, благоухающий, твердой по-
ходкой направился в павильон... Снятую
пробную сцену отправили в Кремль.
А вскоре стало известно: Геловани ут-
вержден...»

Такая вот режиссерская «самостоя-
тельность». И когда думаешь о кулешов-
ской, да и только ли его одного, судьбе,
приходит на память деталь из рассказа
Путко о переезде знаменитого режис-
сера на новую квартиру: «Чтобы уста-
новить старинные высокие шкафы в но-
вой квартире, мы отпиливали в каждом
ряду по две верхних секции. Так и
пришлось — ножовкой по красному де-
реву!» Подобной «ножовкой» не раз
приходились и по замыслам и картинам
Кулешова.

Среди печально-характерных черт
времени было и то, что, когда Путко од-
нажды в шутку изобразил Андроникова
«в роли», тот не только разобиделся, но
даже пожаловался Кулешову, что этот
«противный мальчишка мешает ему ра-
ботать над образом...»

«Конец кинокарьеры» подростка сов-
пал с первыми годами Отечественной.
Очень выразительны некоторые эпизо-
ды, в которых запечатлелось столкнове-
ние радужных иллюзий с действитель-
ностью.

«На одной из станций вместе с нами
слушал радиопередачу последних из-
вестий раненый красноармеец. Он сто-
ял на костылях, подогнув загипсован-
ную ногу... Диктор подробно рассказы-
вал о разгромленных немецких дивизи-
ях, о трофеях, взятых нашими войсками
в боях за Калинин».

Экран и сцена —
1994 - 10 - 17 февр. -
с. 7

— Вот как пошло! — восторженно
воскликнул Володя Пименов. — Теперь
погонят фрицев до самого Берлина!

— Ишь, прыткий! — неодобрительно
проворчал раненый. — До Берлина, од-
нако, далековато будет!

И заковылял, сердито стуча костыля-
ми по перрону.

«Значит, бьем мы немцев?» — допы-
тывались ребята у другого раненого.
«А как же? Конечно, бьем. И они нас
бьют. Я же говорю: мясорубка».

Все это, действительно, «голоса», как
названа рубрика, под которой помеще-
ны в журнале воспоминания Александра
Путко, «живая история» — и не толь-
ко кино.

Андрей ТУРКОВ.